

бывали вѣрны, приложенія заимствованнаго взгляда бывали поспѣшны; но во всякомъ случаѣ въ замѣчаніяхъ не было много разумнаго, и стремленіе видѣть въ исторіи не отдаленную чуждую легенду, а простую дѣйствительную жизнь прошлыхъ вѣковъ было вѣрнымъ приступомъ къ научному пониманію дѣла. Наконецъ, несмотря на всѣ заимствованія отъ иностранныхъ авторитетовъ, Татищевъ остается чисто русскимъ человѣкомъ, вполне пропитаннымъ особенностями русской жизни; его господствующая особенность есть не столько логическое разсужденіе ученаго, опирающагося на многочисленныхъ изслѣдованіяхъ, сколько сильный здравый смыслъ практическаго человѣка, опытнаго въ житейскихъ дѣлахъ, — характерную черту времени и людей его круга практическихъ дѣльцовъ, составляетъ и то, что Татищевъ, какъ можно видѣть по приведенной выпискѣ, — очень небрежно относился къ языку, и безъ того неровному и необработанному въ то время. Онъ пишетъ иногда полуграмотно.

Возвратимся теперь къ историческимъ трудамъ Миллера. Одинаковость положенія дѣла вызывала и у нѣмецкаго ученаго тѣ же представленія о необходимыхъ научныхъ работахъ, какія мы видѣли у Татищева. Тотъ и другой одинаково думали о необходимости предварительныхъ работъ, собранія матеріала, историко-географической энциклопедіи, и какъ Татищевъ собиралъ свой географическій и гражданскій лексиконъ, такъ Миллеръ трудился надъ дополненіемъ и изданіемъ географическаго словаря Полунина; какъ Татищевъ составлялъ свое упомянутое «Предложеніе» о собраніи историческихъ и бытовыхъ свѣденій о Россіи, такъ Миллеръ дѣлалъ свои предложенія объ учрежденіи при академіи «департамента російской исторіи»¹⁾. Планъ этого учрежденія, составленный Миллеромъ вскорѣ по возвращеніи изъ его путешествія, въ 1744 году, замѣчательнымъ образомъ предупреждаетъ ту мысль, съ какою почти уже сто лѣтъ спустя была предпринята археографическая экспедиція, а по обширности предполагавшихся работъ идетъ и гораздо дальше ея. Понятія нашихъ историковъ XVIII-го вѣка о задачахъ исторической науки, конечно, не имѣли уже ничего общаго съ геологической точкой зрѣнія старыхъ историковъ-лѣтописцевъ. Исторія перестаетъ быть для научныхъ историковъ рядомъ случайныхъ событій, объясняемыхъ путемъ религіознаго фатализма; напротивъ, они ищутъ въ ней внутренней связи событій, соединенныхъ между собой какъ причина и слѣдствіе, и думаютъ

¹⁾ Пекарскій, Исторія Акад. Н. т. I, стр. 338—342.